

ТАБЫҚА ТҮЛЫ

80

ЖЫЛ
ЛЕТ УСПЕХА
YEARS OF LEADERSHIP

6

Бағызбаева оқулары
Багизбаевские чтения

«ЗАМАНАУИ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ
ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛАШАҒЫ»

«СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ»

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

ФИЛОЛОГИЯ, ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

VI Бағызбаева оқулары

ЗАМАНАУИ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛАШАҒЫ

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
80 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары

Алматы, 25 сәуір 2014 жыл

VI Бағизбаевские чтения

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию
Казахского национального университета имени аль-Фараби

Алматы, 25 апреля 2014 года

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Джолдасбекова Б.У., Байбосынов Д.</i> Мотив любви к родной земле в произведениях Ивана Шухова и Габига Мусрепова	3
<i>Абишева У.К.</i> Структура и тематика поэтического сборника Б. Канапиянова «Над уровнем жизни»	5
<i>Абдигалиева А.Б.</i> Символика сновидений персонажей романа «Тяжелые сны» Ф.Сологуба	8
<i>Абишева С.Д.</i> «Реквием» М.Макаева в контексте мировой культуры	11
<i>Аладына А.А., Белоус Е.Н.</i> Осложненное предложение в творческом контексте Л. Петрушевской	16
<i>Афанасьева А.С.</i> Мироощущение в романе «Сны океанных»	20
<i>Бектурганова Г.З., Карибекова Ш.Б.</i> Г.Р.Державиннің «Фелица» одасындағы мазмұндық ерекшеліктер	23
<i>Баянбаева Ж.А.</i> Иран-Ғайып олендерін орыс тіліне аудару мәселелері	26
<i>Валентинова О.И.</i> Необходимость «Чрезмерного» «Житие Стефана Пермского» Етифияна Премудрого	29
<i>Джаламова Ж.Б.</i> Авторское время в поэме М.М.Пришвина «Фацелия»	35
<i>Қазыбек Г.Қ.</i> Шекспир драмаларының казак тіліне аударылу ерекшеліктері	38
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Проблема положительного героя в романах «Второго ряда» 70-90-ых годов XIX века	40
<i>Какишева Н.Т.</i> Жанровая специфика произведений Мориса Симашко на историческую тему	44
<i>Коваленко А.Г.</i> О «новом историзме»: постмодернистская проза.	47
<i>Лю Инь, М.В. Михайлова</i> Стилизация и травестирование мифа о золушке (рассказ «Сандрильона» Е.А.Нагродской)	51
<i>Ломова Е.А.</i> Взаимосвязь русской, английской и американской литератур в 20-30-е годы XX века	56
<i>Мухамадиев Х.С., Таттимбетова К.О.</i> Стиль эпохи и образ автора в аспекте интертекстуальной интерпретации	59
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Мотив памяти в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»	62
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Традиции и новаторство казахстанского романа на рубеже XX-XXI веков	66
<i>Свидова Н.В.</i> Поэтика мистического в повести Тургенева «призраки»	69
<i>Таттимбетова К.О.</i> Текстология ғылымының зерттеу міндеттері мен өзіндік айырмашылықтары (Толеу Көбдіков шығармашылығы бойынша)	73
<i>Утепова Р.И.</i> Исследования о жизни и творчестве Олжаса Сулейменова: конфликт интерпретаций	75
<i>Уюкбаева М.И.</i> Социально-политические проблемы казахстанской литературы	77

II. ЯЗЫК. СОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА.
Национально-культурная специфика слова, текста, дискурса, коммуникации

<i>Абаева Ж.С.</i> Истинностная оценка в газетном тексте	80
<i>Абилхасимова Б.Б., Туребекова Р.С.</i> Идеологема классовости в текстах послереволюционных газет Казахстана	82
<i>Аладына Л.А., Минайдарова М.Е.</i> Разговорный синтаксис как стилистическая особенность прозы Т. Толстой	86
<i>Амирова Ж.Р.</i> Природа субстантивации и её типы	89
<i>Ахметжанова А.И.</i> К хронологическим обоснованиям памятников древнепорекского зиязма	92
<i>Илхан Ылдырым</i> Невербальные средства коммуникации в разных культурах и их процессы освоения в лингвистике	96
<i>Исмаилова Ж.А., Полякова Н.В.</i> Языковой портрет пользователя казнета (на материале сайта www.Tengrinews.kz)	98
<i>Капасова Д.А., Чекина Е.Б.</i> Новый взгляд на структуру текста научного описания	102
<i>Когай Э.Р.</i> Концепт «время» в индивидуально-авторской картине мира А. Кима	105
<i>Ли В.С.</i> О прикладных аспектах современной лингвопрагматики	110
<i>Мухамадиев Х.С.</i> Воплощение концепта <i>учитель</i> в образе аль-Фараби	113
<i>Мучник Б.С.</i> Цитирование как фокус	116
<i>Махметова Д.М.</i> «Принцип дополнительности» в соотношениях «художественный текст – информативный текст», «исходный текст – переводной текст»	126
<i>Несипбаева З.С., Жунисова Д.К.</i> Основные приоритеты поликультурного образования в современной социокультурной ситуации Казахстана	129
<i>Рафаэль Гусман Тирадо</i> Категория состояния в русском языке и ее соответствия в испанском	131
<i>Сансызбаева С.К.</i> Зоометафоры в языковой картине мира	134
<i>Таманова Н.М.</i> Концептосфера внутреннего мира в произведениях Иннокентия Анненского	138
<i>Туманова А.Б.</i> Отражение национального сознания в языковой картине мира русскоязычного писателя-казаха	141
<i>Хайрушева Е.Е.</i> Из опыта поэтической концептуализации	144
<i>Шинтемирова А.М.</i> Отражение божественной красоты в суфийской поэзии	147
<i>Юрицына И.Ю.</i> Влияние экстралингвистических факторов на формальную организацию статейных списков	150
III. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	
<i>Алтынбекова О. Б., Зуева Н. Ю.</i> Учебно-методические комплексы русского языка для 12-летней модели образования в Казахстане	154
<i>Аманбаева Ю.К.</i> Диагностика активности в учебной деятельности	157

<i>Бекмаешева Б.Н., Темирбаева Г.С., Махарова Г.С.</i> Шетел тілін оқытуда жаңа технологияны қолдану әдісі	160
<i>Гумарова Ш.Б., Рустемова А.И.</i> Использование интернет ресурсов на занятиях английского языка как средство повышения конкурентоспособности будущих специалистов	163
<i>Екиембеева Л.В.</i> Механизмы динамики процесса усвоения русского языка	164
<i>Жаутикбаева А. А., Нуржумаева К.А.</i> Инновационные технологии в обучении иностранному языку проблемный метод обучения	170
<i>Капасова Д.А., Чекина Е.Б.</i> Содержание курса «Профессионально ориентированный русский язык»	174
<i>Кенжеева К.Т.</i> Обучение студентов начальным этапам сопоставительного анализа	177
<i>Рахметова В.Ж.</i> Организация самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе	180
<i>Смагулова А.С., Бекмаешева Б.Н.</i> Жаңа инновациялық технологияның тиімділігі	182
<i>Сүттібаев Н.А., Исабаева Б.К., Абылқасова А.Б.</i> Шетел тілі мұғалімінің инновациялық даарлығын қалыптастыру тәжірибеден	183
<i>Талипова А.Ю.</i> Актуальность программы элективного курса «Трудные случаи русской орфографии и пунктуации» в условиях подготовки учащихся старших классов к итоговой аттестации	185
<i>Тастемирова Б.И., Махарова Г.С.</i> Некоторые способы перевода научного текста	188
<i>Тутеева Н.К., Тутеева А.К.</i> Реализация принципа связи теории с практикой как основа дуального образования	191

IV. МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ О ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Ахмедов А.А., Джолдасбекова Б.У.</i> Мотив смерти в романах Достоевского «Идиот», «Преступление и наказание» и Юкио Мисимы «Золотой храм», «Исповедь маски»	195
<i>Акышбаева Г., Козай Э.Р.</i> Типы заголовков в газетном тексте	198
<i>Әзизова А.О., Джолдасбекова Б.У.</i> Қазіргі қазақ прозасында фольклорлық үрдістерді пайдаланудағы авторлық шеберлік	201
<i>Әзизова А.О., Джолдасбекова Б.У.</i> Қазақ прозасында өнер тақырыбын суреттеудегі жазушы шеберлігі	203
<i>Бектасов М., Джолдасбекова Б.У.</i> Төлен Әбдік «Парасат майданы» және қазақ әдебиетіндегі жанашылдық	206
<i>Ешнұржанова З.А., Ли В.С.</i> Лингвистический и правовой аспекты исследования спорного текста	208
<i>Жаукебаева А., Мухамдиев Х.С.</i> Концепты <i>кобыз</i> и <i>домбра</i> как ключевые элементы смысловой организации текста	211
<i>Жаппаркулова К.Н., Бектурганова Г.З.</i> Вклад Абая в развитие русско-казахских культурных и литературно-художественных связей	213
<i>Жанакова И.М., Сарсекеева Н.К.</i> Жанровые особенности романов Н.Веревокина	216
<i>Курманбаева Т.С., Ли В.С.</i> «Система» как научное понятие и как научный термин	219
<i>Ma Pong Pong, Ли В.С.</i> Деловая беседа в аспекте межличностного общения и межкультурной коммуникации	222

<i>Мантеева А., Козай Э.Р.</i> К пониманию концепта «небо» в индивидуально-авторской картине мира Б. Канапьянова	225
<i>Мауленова Б., Сабитова З.К.</i> Вербализация концепта <i>қуаныш</i> в казахской лингвокультуре экстралингвистической реальности	229
<i>Маметова С.М., Абишева У.К.</i> Особенности проявления женской любви в лирике Марины Цветаевой	233
<i>Маукеева А.О., Джолдасбекова Б.У.</i> Специфика концепта «дом» в художественной модели мира Г.К. Бельгера	238
<i>Нуркасымова Р.Т., Джолдасбекова Б.У.</i> Традиции автобиографической прозы Горького в произведениях И.П. Щеголыхина	240
<i>Перкина Н.А., Екиембеева Л.В.</i> Сайт как площадка для маркетинговых коммуникаций	244
<i>Рысбаева А.Б., Сарсекеева Н.К.</i> Урбанистическая направленность романа М. Земскова «Перигей»	247
<i>Сейтказы Э.А., Абишева У.К.</i> Предметная символика в национальной картине мира О.Бокеева	251
<i>Смайлова Ж.А., Сарсекеева Н.К.</i> Природа мистического и проблемы его отображения в художественной литературе	255
<i>Хуан Ж., Ли В.С.</i> Концепт «одиночество» в художественном мире Ч. Айтматова	259

Жанровая специфика произведений Мориса Симашко на историческую тему

Интерес к исторической теме в литературе советского и постсоветского времени всегда был необычайно высок и поощрялся властями. Неслучайно жанр исторического романа был особенно популярен в драматичные для советской истории годы. Особо следует выделить исторические романы, написанные на национальном материале, об идеях гражданских свобод, об интеллектуальных предшественниках русской революции 1917 года (роман Ольги Форш «Одеты камнем»; «Кюхля» Юрия Тынянова), роман об историческом герое «из народа» (о Ломоносове, о Шевченко, о художнике Федотове и др.), роман о народном бунте («Разин Степан» Алексея Чапыгина, «Салават Юлаев» Степана Злобина, «Гуляй, Волга» Артема Веселого), роман об императоре, его империи и народе («Петр Первый» А.Н. Толстого). В русской литературе Казахстана жанр исторического романа был также одним из продуктивных жанров на протяжении долгого времени. Свидетельством этому являются романы и повести Николая Анова о представителях казахского профессионального искусства, дилогии Д. Снегина о городе Верном и его людях, о Павле Виноградове и Уразе Джандосове, романы П. Кузнецова о Жамбыле и А. Сергеева о перипетиях сложного периода присоединения казахских земель к России, романы Мориса Симашко об Ибрае Алтынсарине, Алиби Джангильдине, Екатерине Второй и др. Но все же последний из названных писателей, писавший о Древнем и средневековом Востоке, об ярких личностях казахской и русской истории и культуры не вписывается в эту историческую галерею, он занимает особое место среди писателей-историков, умеющих видеть современность «сквозь призму давно прошедших событий».

По мнению Герольда Бельгера (1924 – 2000) обладал удивительным даром ассоциативного мышления, умением грациозно и парадоксально сопоставлять и осмысливать разрозненные факты и явления бытия. [1, 10]. Павел Косенко считал, этот человек был сродни шекспировскому Гамлету, тонко чувствующему «связь времен». [2].

С нашей точки зрения, к Морису Симашко больше всего подходит определение французского критика Ален Боске, который считал, что Морис Симашко не похож ни на кого другого: он «не в традиции классиков. Его никак нельзя причислить к романистам досоветской или чисто советской эпохи, таким, как Горький или Шолохов. Не является он и диссидентом рядом с Солженицыным или Синявским...». [3, 6]. Многие критики и исследователи прозы писателя объясняют жанровую самобытность его исторических романов и повестей его глубоко индивидуальным подходом к истории и ее выдающимся личностям.

Исследователи отмечают, что в своих исторических сочинениях Морис Симашко следует традициям другого нетрадиционалиста-историка Ю.Н. Тынянова: скрытое цитирование исторических документов, широкое использование несобственно-прямой речи, полисемантические функции метафоры-детали. Секрет симашковской прозы и в его скрупулезном, упорном отборе материала: писатель в своих автобиографических повествованиях последних лет, в частности, в «Четвертом Риме», рассказывал, сколько времени отнимал у него подготовительный этап написания той или иной книги, поиск, знакомство и критическое осмысление исторических документов, поиск достоверных фактов в архивах и древлехранилищах, в музеях и библиотеках.

Нужно также отметить чувство достоверности при изображении того или иного события в пространстве и времени: это подход историка-хроникера, обязанного быть последовательным при описании времени. Действие в исторических романах Мориса Симашко происходит в точно указанных временных рамках: так, в романе «Маздак» начало событий относится к 891 году. Также конкретно определены рамки действия в романах «Искушение дабира», «Семирамида», «Падение Ханабада», «Колокол», в повести «Гу-га» и др. Такая же достоверность и кокетность характерна для обозначения места действия в его сюжетах. Яркие и живые картины жизни древнего и средневекового Востока основаны на тщательном исследовании исторических свидетельств в сочетании с удивительной авторской интуицией, феноменальной эрудицией и работоспособностью, глубокими знаниями истории и культуры восточных народов.

Еще одну отличительную черту отметил профессор Б.Я. Толмачев, который считает, что романы и повести Мориса Симашко тяготеют к философизации жизни в разрезе эпох и смене поколений [4,

34]. А. Ибрашева называет историческую прозу Мориса Симашко ориентальной, утверждает, что только благодаря глубокому проникновению в восточный мир писатель смог достоверно воссоздать его историю» [5, 6], чему немало способствует используемый писателем специфический монтаж повествования, позволяющий ему «сопоставлять» временное и вечное.

Проза Мориса Симашко разнообразна в типологическом плане и не укладывается в привычные жанровые рамки. Первые повести и романы, написанные на основе богатейшего мифологического, фольклорного и исторического материала о Востоке, собранного и изученного во время службы в армии в годы войны на туркменско-иранской границе рядом с древним городом Мерв (Мары), школьным учителем, специальным корреспондентом туркменских газет, сборком ТАСС, «Советской культуры», «Учительской газеты», объединены в исторический цикл «Повести Красных и Черных Песков» («Черные пески», «Искушение Фраги», «Емшан»). Сам писатель признавался, что в первой повести, напечатанной с одобрения А.Т. Твардовского в 1958 году в «Новом мире». Его интересовало не басмачество в Средней Азии, Морис Симашко показывает, «как приходят в большевистскую революцию простые полуграмотные дехкане. В принципе, слово это отнюдь не означает крепостного, тем более раба (кула), а свободного человека, имеющего свой удел и определенные права. Ганлы – кровная месть – являлась способом утверждения этих прав. Большевики подменили этот обычай классовой борьбой» [6]. История туркменского юноши Чары, вставшего на путь борьбы и мщения баю-насилынику, была воспринята благосклонно и критиками, и читателями: к примеру, З.С. Кедрина отмечала, автор «с абсолютной жизненной убедительностью, с ясных марксистских позиций» изображает трансформацию человека «для себя» в человека «для людей», переход от родового строя души к новому сознанию [7].

С жанровой точки зрения более интересна и содержательна историко-биографическая повесть «Искушение Фраги», посвященная туркменскому поэту 18 века Махтумкули. Морис Симашко написал ее в трагичные для туркменской культуры годы, на основе тщательно изученных материалов он реконструировал короткую, но яркую жизнь этой исключительно одаренной ренессансной личности, современника М.В. Ломоносова, Вольтера, Гете.

Совершенно иной жанровый характер имеет следующая повесть этого цикла «Емшан», опубликованная в 1966 году. Сам писатель представляет историю своей книги следующим образом: «...Это был странствующий сюжет, но имел он определенные корни. Упомянут был он в Волынской летописи. Я знал его с детских лет по стихотворению А. Майкова. Кое-что мне рассказал писатель Сергей Николаевич Марков, а мой юный тогда еще друг Олжас Сулейменов сообщил мне, что видел в Каире могилу султана Бейбарса. Эпитафия на ней гласила, что был он кипчаком из рода Берш. И еще была казахская пословица, что лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной (султаном) горы на чужбине. Писать, как собирал я материалы о четвертом бахритском султане Египта, победителе монголов и крестоносцев, не буду. Научные труды, литературные источники лишь служили подспорьем. Главное было – тот пуд соли, который я тут съел. И горечь полыни на губах, когда я писал...» [6].

Интересны и разнообразны интертекстуальные связи этой повести с русской и казахской литературой и историей. Аполлон Майков в 1874 году создает стихотворный цикл «Отзывы истории», в котором первым стоит лиро-эпическое стихотворение «Емшан». Оно представляет собой поэтическую обработку легенды о половецких ханах братьях Отроке и Сырчане, взятой из Галицко-Волынской летописи. Образ емшана, который «степной травы пучок сухой, Он и сухой благоухает», вызывает в главном герое Отроке забытые чувства о родине: «Смерть в краю родном Милей, чем слава на чужбине!» и является аллюзией казахской пословицы: «Баска елде султан болганша, өз елінде ұлтан бол». Мы знаем, что А.Н. Майков дружил с с Чоканом Валихановым, часто и долго общался с ним во время пребывания казахского ученого в Петербурге, и, скорее всего, восточный сюжет русского поэта был почерпнут из этих бесед. «Емшан» был написан уже после отъезда Валиханова из Петербурга и его смерти, возможно, А.Майков по памяти восстановил звучание казахского слова «ем шоп», придал ему новое звучание, вложив свое понимание образа исцеляющей травы, подаренного другом: «Емшан – название душистой травы, растущей в нашей степи, – наверное, полынец».

Абдижамил Нурписов считает, что именно с «Емшана» Мориса Симашко начинается «запах Востока в потоке истории». Писатель неслучайно использовал в названии своей повести майковское заглавие, тем самым он осознанно ясно выразил свое отношение к теме манкуртства: «Мамелюки были классические манкурты, и, кажется, впервые в советской литературе присутствовала эта болезненная для всего государственного устройства тема» [6]. Очевидна его сознательная ориентация

на тождественность судеб двух героев – батыра Отрока и султана Бейбарса, оставивших богатство и власть на чужбине и вернувшихся в родные степи.

Из других исторических повестей писателя можно отметить особое положение повести «Гу-га», созданной в 1982 году. Уже посвящение «Моим товарищам из 11-й Военно-Авиационной школы пилотов» задает определенную тональность запретной долгое время теме – истории о штрафных батальонах и заградительных отрядах, существовавших во время Великой Отечественной войны. По жанру повесть больше автобиографична, но в то же время достоверность изложенных событий во время пребывания главного героя курсанта Бориса Тираспольского в штрафбате настолько очевидна. Что повесть всеми безоговорочно воспринимается как историческая повесть.

Сам писатель никогда не упоминал о своем пребывании в штрафбате, поводом к написанию послужила встреча в 80-ых годах с фронтовым другом по летной школе Сапаром Усмановым, всколыхнувшая потаенное в глубине памяти. Обращение к заглавию повести – «Гу-га» вновь обращает нас к интертексту: это слова припева одной блатной одесской песни, с ней – штрафники шли в атаку, наводя ужас на немцев.

Главный герой – типичный представитель молодежи 30-ых годов XX века, романтик, патриот, делает все возможное и невозможное, чтобы оказаться в только что созданной в Одессе специальной военно-воздушной школе. Во время войны их направляют в Военно-Авиационную школу пилотов откуда «за недисциплинированность» (за самовольный полет к любимой женщине – первой любви героя) он попадает в штрафную часть на Белорусском фронте. Впервые в советской литературе была показана правда о штрафбатах. Морис Симашко после окончания повести признался: «В этом произведении ничего не придумано, все – правда. Но это только небольшая частица страшной войны. Если о ней писать больше, художественного произведения не получится» [6].

История о пребывании героя только один месяц на войне передана через призму восприятия Бориса Тираспольского. Он отмечает, что среди штрафников очень разные люди: вор-рецидивист и мелкие жулики, проворовавшиеся бухгалтер и бригадир, такие же, как и Борис, курсанты военных училищ и даже два мальчика 13-15 лет, укравшие из мешка немного казенной муки. Предельно кратко, но в деталях переданы ощущения восемнадцатилетнего героя от пребывания на болоте с гнилостным запахом из-за крови, пропитавшей все вокруг, о мелком окопе – постоянном месте нахождения каждого штрафника, о ночных вылазках за немецкими автоматами и яростной атаке, в которой штрафники победили немцев, но потеряли половину штрафбата, искупили кровью свои грехи перед родиной и самим собой, и возвращение в прежние места дислокации. При этом постоянно доминирует мысль, что даже недолгое (всего один месяц) пребывание в штрафбате оставило в душе героя глубокий след, нанесло тяжелую психическую травму. М. Симашко показывает реальность таковой, какая она была, глазами рядового участника этой войны, доказывает, что война – явление античеловеческое, противное человеческому сознанию.

Каким видим, предметом его исторических произведений становится не столько прошлое, а след прошлого в настоящем, не столько история события, а больше аспект воздействия истории на современность. Писателя интересуют проблемы отношения человека и истории, при этом особое внимание она уделяет не роли народных масс в истории, а значению отдельной личности в ходе исторического процесса. Поэтому Морис Симашко не только воспроизводит правдивую картину прошлого, но и стремится возразить внутренний мир своих героев, показать противоречивость природы личности в истории.

И, самое главное отличие творческой манеры Мориса Симашко, создателя особой разновидности жанра исторической повести и романа в русской литературе Казахстана, заключается в том, что, он, не проводя прямых параллелей с событиями современного мира, затрагивает актуальные социально-политические, моральные и философские вопросы XX века.

Литература:

1. Бельгер Г. Морис Симашко – русский писатель, который ни на кого не похож // Казахстанская правда – 2000 – 26 марта.
2. Косенко П. Поэзия слова и правда истории. Штрихи к портрету Мориса Симашко // Огни Алатау. – 1984. – 30 марта.
3. Стрелки компаса души // Аргументы и факты. – 2007. – № 12. – с.11.
4. Толмачев Б.Я. Советский исторический роман: монография. – Алма-Ата: Изд-во КазНУ им. аль-Фараби, 1996. – 96 с.
5. Ибрашева А. Орнаментальная проза Мориса Симашко (материал и вымысел, повествовательные формы): дис... канд. филол. наук – Алматы, 2001.
6. Морис Симашко. Четвертый Рим // <http://www.e-reading.ws>
7. Кедрина З.С. Предисловие // Морис Симашко. Избранное. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – С.3 – 11.

О «новом историзме»: постмодернистская проза

В постсоветские годы художественное освоение советской истории претерпело значительное изменение. Перемены коснулись не только материала, но, прежде всего принципов и критериев оценки самой истории. Резкий поворот в исторической прозе начался как следствие перестроечных процессов в стране в середине 80-х годов. Он был отмечен мощной волной публикаций «задержанной литературы», который заставил по-новому взглянуть на многие эпизоды и личности советской истории. Доминирующей особенностью изображения прошлого был ее *разоблачительный пафос*, вызванный различными причинами, среди которых можно отметить задержанную инерцию оттепели 50-60-х годов. В.Гроссман, В.Дудинцев, А.Соколов, А.Рыбаков, А.Бек, Д.Гранин стали первооткрывателями теневых сторон исторического процесса, обратной стороны парадного фасада истории. На рубеже 80-90-х годов их произведения воспринимались как историческая правда о культе личности, лагерях, Великой отечественной войне, во многом опережая объективные исследования профессиональных историков. Они выполняли огромную просветительскую задачу, заменяя миф подлинной (с позиции автора) исторической картиной.

Однако по мере уменьшения потока задержанных публикаций, спадала и разоблачительная тональность. На смену ей приходила иная историческая проза, остывшая от критического пафоса и осваивавшая исторический материал в русле *постмодернистских принципов*. Новая литература 90-х годов, обращавшаяся к историческим темам отказывалась от изображения прошлого с позиций историзма, с позиций рационального понимания движения истории. Утратившая ориентиры мысль искала опору в казавшейся абсурдной действительности и находила ее в исторической метафоре, т.е. некоей схеме, объяснявшей мир с помощью сюжета и индифферентных образов. Такие метафоры создавали В.Пелевин («Желтая стрела», 1993), В.Маканин («Лаз», 1991), А.Битов («Ожидание обезьян», 1993), В.Шаров («До и во время», 1993).

Движение исторической литературы происходило в направлении исторического нигилизма. Исторические события и исторические персоналии стали предметом различных игровых манипуляций вне всяких идеологических концепций – в романах В.Сорокина, Е.Попова, А.Королева. Получила развитие свободная игра в «исторический пасьянс» в духе карнавальной перекодировки» [1, 185]. Постмодернистская деконструкция советских идеологических клише стали проявлением деполитизации и деидеологизации литературы, освобождения ее от власти всех и всяческих критериев. Разочарование, скепсис, утрата смысла в истории приводили к утверждению нового критерия: поскольку истины не существует, то истинна лишь *игра* в относительные истины. История превратилась в декорацию, на фоне которой разыгрывались мизансцены, лишённые подлинного исторического содержания.

Отражение истории в 90-е гг., применительно к «массовой литературе», принимало разные обличья. Историческая беллетристика в угоду обывательскому вкусу широко эксплуатирует темы частной и публичной жизни, монарших семейств (Э.Радзинский), «тайны» Второй мировой войны (Виктор Суворов и Борис Соколов), нераскрытые страницы жизни советских исторических деятелей (Сталина, Фрунзе, Кирова, Берии). Массовая историческая беллетристика эксплуатировала интерес обывательского читателя к сенсационности и подробностям быта и интимных сторон жизни известных людей. Неизвестные и темные факты истории часто становились материалом для детективных сюжетов, как это происходило в «ретродетektивах» Бориса Акунина [2, 151].

Нельзя, однако, утверждать, что «народная история» всецело опиралась только на «нижний этаж» истории. Нередко из «низкого материала» возникали и оригинальные исторические концепции, которые ориентировались на тот же обывательский интерес и эксплуатировали игровые моменты.

Роман Д.Быкова «Орфография» (2003) – уводит читателя в 1918 г. Его можно было отнести к жанру объективного социально-исторического романа. Хотя в основе романа лежит достоверная ситуация, произведение является плодом полной свободы авторского воображения. Вымысел и достоверность тесно переплетены в тугой узел. На самом деле всего это не было, но **могло бы быть**.